

КОТ-ДЕТЕКТИВ ДЫМОК

Трей Блус

ТОМ 5

18+

Грей Блис

Кот-детектив Дымок. Том 5.

«Автор»

2026

Блис Г.

Кот-детектив Дымок. Том 5. / Г. Блис — «Автор», 2026

Новые приключения приводят к любопытству. А особенно изоляция за серийное убийство. Зачем неким похитителям наши бумаги? Кладовка, улика, пазл собран. Но всегда ли мы хотим увидеть конец нашей работы? Я наконец-то узнаю свою историю и причину отличия от других котов, но надо ли мне это? Возможно, нет. Пожалею ли я об этом? Абсолютно. Что же ты сделаешь в этот раз, Дымок?

© Блис Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Полиция. Снова.	6
Глава 2. Компьютер.	12
Глава 3. Я кот, а не объект.	17
Глава 4. Новый след.	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Грей Блис

Кот-детектив Дымок. Том 5.

Название: Кот-детектив Дымок. Том 5.

Автор(-ы): Грей Блис

Ссылка: <https://author.today/work/619199>

Глава 1. Полиция. Снова.

Рив, Лука и Лу ушли писать заявление в полицию. Дверь за ними закрылась с тяжёлым, глухим стуком — будто отрезала дом от всего того, что гналось за нами сквозь ночь. Дождь всё ещё барабанил по крыше, но теперь он звучал не как угроза, а как что-то обычное. Почти мирное.

А я остался.

Не потому что мне было плевать. Не потому что коты равнодушны. А потому что в голове крутилось одно-единственное слово, которое не давало мне свернуться клубочком и просто выдохнуть: «папки».

Они так отчаянно хотели их получить. Готовы были драться, пугать, ломать. А теперь, когда все ушли, эти папки вдруг показались мне не просто бумажками. Они были ключом. К чему-то большему. К тому, что от меня скрывали.

И ещё хуже было другое: почему от меня?

Я ведь был частью их команды. Я знал все их тайники, все их маршруты, все их секреты. Я спасал их, а они прятали от меня папки, будто я сам мог стать врагом.

«Возможно, было что-то хуже», — подумал я, и от этой мысли шерсть на загривке снова встала дыбом, хотя в доме было тепло и тихо.

Я спрыгнул с подоконника — бесшумно, как тень, — и пошёл по комнатам. Не просто нюхать, не просто искать следы. Я искал то, что прятали. То, что боялись доверить даже мне.

Сначала я проверил шкаф в комнате Луки — там, где он хранил старые карты и схемы. Ничего, кроме выцветших листов и пыли. Потом нырнул под кровать Рив — только забытые носки и коробка с пуговицами.

Но запах... запах был. Тонкий, едва уловимый, но знакомый: чернила, старая бумага, немного машинного масла — так пахли папки Высшего. Но тут было что-то ещё, что не сочелось с ним. Запах Рив. И отсутствие запаха Высшего. Ещё что-то лабораторное.

Он вёл к кладовке. К той самой, куда никто не любил заходить, потому что там было тесно, темно и пахло сыростью. Дверь была чуть приоткрыта, будто кто-то уже был здесь до меня и не успел закрыть.

Я скользнул внутрь. Тесно. Пыль кружилась в узком луче света, который пробивался сквозь щель наверху. На полу валялся старый плед, на полке стояли банки с вареньем, которые никто не открывал уже лет пять.

И среди всего этого, в самом углу, за коробкой с лампочками, лежал обрывок бумаги. Не целый лист. Просто кусок, оторванный неровно, будто его вырвали в спешке и бросили, думая, что никто не заметит.

Я подцепил его когтями, потянул. Бумага была жёсткой, шершавой, как будто её долго носили в кармане.

На нём было написано:

«Объект № 3. Задатки ума высоки. Возможна успешная реализация переноса в другое тело. Требуется дополнительная проверка...»

Дальше текст обрывался. Будто кто-то не дописал. Или не успел.

Я сидел и смотрел на эти буквы. Они не складывались в привычные слова, которые я понимал. «Объект». «Перенос». «Тело». Это что?

Пришла Рив. Хлопнула дверь. Я бросил обрывок. Сначала разберусь, затем начну выдвигать обвинения. Метнулся в сторону, прижался к стене, слился с тенью — будто меня тут никогда и не было. Сердце колотилось где-то в горле, перебивая даже стук дождя по крыше.

В кладовке стало ещё темнее: щель наверху, через которую пробивался свет, теперь заслонила чья-то тень. Пахнуло не сыростью и вареньем, а Рив — её шампунем, мятной жвачкой и тем особенным запахом, который появляется, когда человек долго не спит и боится.

— Дымок? — прошептала она, и голос у неё дрожал, будто она сама не хотела верить, что говорит вслух. — Ты тут?

Я не шевельнулся. Не мякнул. Просто сидел, прижавшись к полу, и смотрел на неё сквозь полумрак.

Она наклонилась, вглядываясь в темноту, водила взглядом по полкам, по ящикам, по полу — и не видела. Потому что обрывок бумаги я успел подхватить когтями, сжать, прижать к полу так, что он слился с пылью и старыми тряпками. А потом, пока она моргала, привыкая к темноте, я скользнул дальше — в узкую щель за коробкой с лампочками, туда, где даже её рука не дотянется.

Там, в тесном закутке, я быстро подцепил бумажку, смял в комоч, затолкал в щель между досками — туда, куда годами сыпалась труха и пыль. Туда, где никто не станет искать.

Рив выпрямилась, провела ладонью по лбу, будто пыталась стереть с себя усталость.

— Наверное, показалось... — пробормотала она себе под нос, но голос звучал не уверенно, а отчаянно. — Просто тень. Просто...

Она шагнула вперёд, наклонилась к ящику, потрогала его крышку, будто проверяла, не сдвинул ли я её. Потом снова огляделась, медленно, внимательно, как человек, который знает: если что-то не на месте, он это почувствует.

Но листок она не нашла. И меня не увидела.

Пока она стояла, всматриваясь в полумрак, я бесшумно скользнул к выходу. Не по центру, где половица скрипит, если на неё наступить. По самому краю, вдоль стены, там, где доски прибиты крепче и молчат.

Щёлк. Лёгкий, почти неслышный звук — я придержал дверь лапой, чтобы она не хлопнула. Протиснулся в щель, выскользнул в коридор.

Там было светлее. Пахло домом, а не пылью. Я замер на секунду, втянул воздух: ни запаха железа, ни машинного масла, ни курева. Только дождь, мокрая ткань, мятная жвачка.

Из кладовки донёсся тихий вздох.

— Ладно... — прошептала Рив. — Наверное, мне просто мерещится.

Дверь кладовки закрылась. Щёлкнул крючок. И этот звук прозвучал как разрешение: можно бежать.

Я метнулся по коридору, мимо кухни, мимо комнаты Луки, к входной двери. Там, у порога, была узкая щель внизу — не для людей, для котов. Для тех, кто должен уходить тихо.

Дождь хлестал снаружи, холодный, резкий, он смывал запахи, сбивал со следа. Я нырнул в эту стену воды, вынырнул уже на крыльце, встряхнулся, и капли полетели во все стороны, как осколки стекла.

Оглянулся.

В окне кладовки мелькнула тень — Рив. Она прижалась лбом к стеклу, смотрела во двор, будто надеялась увидеть серую шерсть среди луж и мокрых листьев. Но я уже слился с дождём, с темнотой, с шорохом капель по железу.

«Прости», — подумал я. Не за то, что ушёл. А за то, что ей придётся стоять там, смотреть в пустоту и думать, что я просто испугался и спрятался.

Но я не прятался. Я шёл туда, где пахло правдой.

Запах железа и машинного масла тянулся от старого гаража на краю двора. Он не растворялся в дожде, не смывался водой — он въедался в ноздри, как предупреждение.

Я опустил голову, прижал уши, чтобы капли не били в глаза, и побежал. Не оглядываясь. Не замедляясь.

Туда, где всё начиналось. Туда, где прятались ответы.

И Рив меня не найдёт. Не сейчас. Потому что сейчас я сам должен найти то, что от меня столько времени прятали.

Охотничий домик встретил меня тишиной, но не доброй. Не той, когда дом пуст и спокоен, а той, что бывает после драки: будто воздух до сих пор помнит крики, запах крови и тяжёлое дыхание тех, кто здесь был.

Я скользнул в приоткрытую дверь, прижался к полу, втянул воздух. Пахло железом — не свежим, а уже подсохшим, как ржавчина на старых гвоздях. Пахло машинным маслом, куревом и потом — тем самым, липким, от страха. И ещё — бумагой. Той самой, пахнувшей чернилами и пылью, как у папок Высшего.

Значит, они были здесь. И что-то забрали. Или оставили.

Пол скрипел под лапами, но я не обращал внимания. Теперь мне было не до осторожности. Я искал не следы ботинок. Я искал запах правды.

В комнате всё было так же, как в ту ночь: опрокинутый стул, жестянки, рассыпанные по полу, тёмные пятна на стене — те самые, что остались от ран главного. Но теперь в этом хаосе я видел не беспорядок. Я видел торопливость. Будто они хватали всё подряд, не разбирая, лишь бы унести.

Под полкой, там, где раньше лежала стопка старых газет, теперь было пусто. Но не совсем. В узкой щели между доской и стеной что-то белело.

Я подцепил это когтем, потянул.

Ещё один обрывок. Ещё один кусочек чужой тайны.

На нём было написано тем же мелким, аккуратным почерком, будто кто-то очень старался, чтобы буквы были одинаковыми, будто от этого зависело, поймут ли его:

«...на контакт с людьми. Если результат окажется отрицательным, немедленно начать перезагрузку сознания. Угроз быть не должно».

Я смотрел на эти слова, и они не складывались во что-то понятное. «Перезагрузка сознания»... Как будто можно нажать кнопку и стереть всё, что ты помнишь. Как будто ты не ты.

А ещё раньше, в кладовке, я видел другое: «Объект № 3. Задатки ума высоки...»

«Объект № 3».

Кто это?

Я вообще не думал, что это про меня. Это же бред. Я — Дымок. Я кот. Я люблю мятные жвачки, люблю сидеть на подоконнике, люблю, когда Лу тихо шепчет моё имя, будто боится спугнуть.

Но эти бумажки... они будто тянули за собой какой-то ледяной хвост. И от него хотелось убежать и одновременно — прочитать ещё раз, чтобы убедиться, что я ничего не понял.

Я сжал обрывок когтями, сжал, будто он мог всё объяснить, и скользнул к выходу. Не через переднюю дверь, где половица скрипит, а через заднюю, ту, что ведёт в заросли крапивы и лопухов — туда, где никто не ходит.

Тропа была скользкой, ветки цеплялись за шерсть, но я не замедлялся. Я знал этот путь наизусть: мимо поваленного дерева, мимо камня, похожего на спящего зверя, потом резко влево, к тому самому месту у забора, где доски отошли, и если сильно прижаться, можно пролезть, не оставив следа.

В доме пахло не опасностью, а домом. Мокрым ковриком у двери, остывшим чаем, чем-то тёплым и своим. Рив где-то ходила, я слышал её тихие шаги, её шёпот, будто она разговаривала сама с собой, чтобы не сойти с ума от ожидания.

Я пробрался по коридору, бесшумно, как тень, и нырнул в свою тайную щель — за шкаф в комнате Луки, туда, где между стеной и деревом была узкая дыра, куда никто не полезет. Там, под куском старой ткани, уже лежал первый обрывок — тот, что я нашёл в кладовке. Я положил рядом второй, прижал их лапой, прикрыл тканью, потом ещё одной дощечкой, которую всегда держал для таких случаев.

Теперь они были спрятаны. Никто их не найдёт. Пока я сам не буду готов их достать.

И только когда я убедился, что ни один запах не выдаст их, ни одна тень не укажет на это место, я вышел из укрытия.

Рив стояла у окна. Не смотрела во двор — просто прижимала лоб к холодному стеклу, будто хотела, чтобы холод немного остудил страх. Когда она услышала тихий скрип половицы, она резко обернулась.

— Дымок! — она выдохнула это имя так, будто оно было самой важной вещью на свете. — Ты... ты где был?! Я думала... я думала, что ты убежал навсегда!

Она шагнула ко мне, хотела схватить, прижать к себе, спрятать в своих руках от всего мира.

Я не стал убегать. Просто подошёл и ткнулся носом ей в ладонь. Тёплую. Дрожащую. Живую.

Она опустила на пол, села, притянула колени к груди и обняла меня, не крепко, чтобы не напугать, а просто чтобы почувствовать: я тут. Я вернулся.

— Не делай так больше, — прошептала она. — Пожалуйста. Я не могу... я не могу думать, что тебя больше нет.

Я тихо мяукнул. Не «прости», потому что я не умел говорить такие слова. Просто мяукнул, чтобы она поняла: я здесь. Я не ушёл.

Она погладила меня по мокрой шерсти, провела ладонью по спине, будто проверяла, настоящий ли я.

— Побудь тут, — попросила она. — Просто посиди рядом. Мне... мне сейчас очень нужно, чтобы ты был рядом.

Я сел у её ноги, прижался боком, чтобы она чувствовала тепло. Смотрел на капли, стекающие по стеклу, на тени, которые металась от мигающего фонаря, и думал про эти бумажки, спрятанные за шкафом.

«Объект № 3»... Кто это?

Я по-прежнему не думал, что это про меня. Просто какая-то чужая, страшная история, в которую мы все нечаянно вляпались. Но теперь эти бумажки лежали у меня. И пока они там, я должен быть осторожнее. Должен быть тише. Должен держаться рядом с теми, кто меня не считает просто «объектом».

Дождь всё ещё барабанил по крыше, но теперь он звучал не как угроза. Он звучал как ритм, который держит дом вместе. Как стук, который говорит: «Мы ещё тут. Мы ещё держимся».

Рив закрыла глаза, прислонилась головой к стене, но руку не убрала. Её пальцы чуть касались моей шерсти, будто ей нужно было чувствовать, что я настоящий.

Я сидел и слушал, как она дышит. Как тикают часы на кухне. Как ветер шевелит ветки за окном.

И ждал.

Ночь накрыла дом, и тишина стала такой густой, что даже дыхание Рив звучало громко. Она уснула прямо на диване — не раздеваясь, не снимая ботинок, будто боялась, что если ляжет по-настоящему, то уже не встанет. Лука и Лу всё ещё не вернулись: в полиции их держали вопросами, как в ловушке, вытягивая из них каждую мелочь.

Я сидел у её ног, смотрел, как она вздрагивает во сне, будто кто-то снова дёргает её за рукав, тянет туда, куда она не хочет идти. Потом тихо встал. Шерсть всё ещё была чуть влажной, но холод уже не пробирал до костей — в доме пахло деревом, остывшим чаем и усталостью.

И тут я вспомнил про отсек в тумбочке. Тот самый, к которому Рив никого не подпускала. «Личное», — говорила она, и даже Лу не смела туда заглядывать. Закрывала его на маленький ключик, который носила на шнурке под свитером.

Но сегодня она уснула, не закрыв. Просто прикрыла дверцу, будто у неё не осталось сил даже на этот тихий щелчок.

Я подошёл бесшумно. Остановился на секунду, будто сам себя спрашивал: «А имею ли я право?» Но потом вспомнил обрывки бумаги, спрятанные за шкафом. «Объект № 3». «Пере-загрузка». И эти слова будто тянули меня вперёд, не давали просто свернуться клубочком и сделать вид, что ничего не происходит.

Если правда прячется в секретах — я должен её найти. Даже если потом Рив будет злиться. Даже если она скажет, что я не должен был лезть.

Я просунул лапу в щель, подцепил край дверцы, потянул. Она открылась с тихим, жалобным скрипом — будто сама не хотела выдавать свою тайну.

Внутри было немного: старая фотография, на которой Рив совсем маленькая стоит рядом с женщиной в белом халате; несколько смятых билетов на автобус; пачка писем, перетянутая резинкой. И сверху — один лист, не в конверте, а просто сложенный вдвое, будто его торопливо сунули, чтобы спрятать.

Я подцепил его когтями, вытащил. Бумага была тонкой, почти прозрачной, как будто её много раз разворачивали и снова складывали.

На ней красивым, но торопливым почерком было выведено:

«Дорогая Ривина! К сожалению, мы вынуждены сказать Вам, что тест оказался отрицательным. Нам придётся...»

Дальше обрывалось. Будто кто-то не смог дописать. Или не захотел.

«Ривина...»

Я замер, прижав уши. Это же полное имя Рив. Я никогда не слышал, чтобы её так называли. Дома все звали её просто Рив. А тут... «Дорогая Ривина». Так пишут тем, кто важен. Тем, кто в ответе.

А потом до меня дошло. Не про Рив. Про «тест».

Тест был не на Рив. Тест был на Объекта № 3.

Она получила это письмо, потому что знала про Объект. Потому что следила. Потому что должна была сообщить, если что-то пойдёт не так.

«Тест оказался отрицательным...»

Отрицательный — это плохо? Или хорошо? Если тест на контакт, на сознание, на то, может ли Объект понимать людей... то отрицательный — значит, не получилось. Значит, они решили, что Объект не годится.

Или... наоборот. Что он слишком годится. И это пугает их.

Я смотрел на эти слова, и они царапали изнутри, как острые края бумаги. «Нам придётся...» — и дальше пустота. Что они собирались сделать?

Я сжал листок когтями, прижал к полу, будто он мог улететь, как сухой лист. Потом быстро подхватил его и скользнул прочь от тумбочки, по тёмному полу, вдоль стены, туда, где никто не ходит.

За шкаф в комнате Луки, в ту самую щель между стеной и деревом, где я уже спрятал два обрывка. Я затолкал новый листок туда же, прикрыл куском старой ткани, сверху положил дощечку, которую всегда держал для таких случаев. Теперь все три улики лежали вместе. Три кусочка одной страшной мозаики.

Потом я тихо вернулся. Сел у ноги Рив, прижался боком, чтобы чувствовать её тепло, её дыхание, её жизнь.

Она пошевелилась во сне, вздохнула, провела ладонью по лицу, будто хотела смахнуть дурной сон. Но не проснулась.

Я не мякнул. Не стал тереться о её руку. Просто сидел и думал.

Рив знала про Объект № 3. Она получала письма. Она следила за тестом. И она прятала всё это, потому что боялась. Не за себя. За того, кого проверяли.

А я... я всё ещё не думал, что это про меня. Это же невозможно. Я — Дымок. Кот. Тот, кто любит мятные жвачки и сидеть на подоконнике. Тот, кого Рив гладит по голове и шепчет: «Ну что ты опять натворил?»

Но эти бумажки... они будто тянулись ко мне, как холодные пальцы.

Я лёг, свернулся клубочком у её ноги, прикрыл глаза. Но не спал. Просто слушал её дыхание. Медленное. Тяжёлое. Как будто она тоже держала в себе слишком много секретов, и теперь они давили ей на грудь.

Листки лежали за шкафом, спрятанные в темноте. Правда была рядом. Но она пахла чужим холодом, больничными коридорами и словами, которые никто не хотел произносить вслух.

И пока Рив спала, вздрагивая от каждого шороха, я решил: я не буду вытаскивать эту правду на свет, пока она не будет готова. Но я буду держать её рядом. Чтобы, когда придёт время, мы смогли сложить все кусочки вместе.

Глава 2. Компьютер.

Утро выдалось серым, будто дом не хотел просыпаться. Дождь кончился, но небо осталось тяжёлым, набухшим, как мокрая тряпка. Рив ещё спала — свернулась калачиком, натянув на плечи старый плед, и дышала ровно, без тех судорожных вздохов, что были ночью.

Я сидел рядом, смотрел на неё и чувствовал, как внутри всё сжимается от тяжести тех бумажек, что лежали за шкафом. Три обрывка. Три кусочка, которые никак не хотели складываться в целую картину.

И тут я вспомнил.

Рив как-то бормотала про «Интернет». Говорила, что там можно найти всё, если знать, как спросить. «Это как огромная библиотека, только она живёт в коробке с экраном», — так она объясняла Лу, когда та не могла найти старую песню.

«Коробка с экраном» стояла на столе в углу. Компьютер. Рив включала его, водила пальцем по плоской штуке рядом, нажимала клавиши — и на экране появлялись буквы, строчки, картинки.

Может, там тоже есть ответы?

Я тихо спрыгнул на пол, бесшумно пересёк комнату. Клавиатура пахла Рив — чуть-чуть мятной жвачкой, чуть-чуть её кремом для рук, и ещё этим странным запахом пластика и тепла, который бывает у вещей, которыми часто пользуются.

Я осторожно подцепил лапой край клавиши. Нажал.

На экране что-то дрогнуло, появилась буква. Потом ещё одна.

Сначала у меня ничего не получалось: вместо нужных букв выскакивали какие-то странные символы, и я только царапал клавиши когтями. Но потом я приноровился. Стал нажимать медленно, очень медленно, чтобы не промахнуться.

Буква за буквой.

О — Б — Ъ — Е — К — Т — пробел — № — 3.

Сердце колотилось где-то в горле, будто я делал что-то запрещённое. Будто эти буквы сами по себе могли кого-то позвать.

Я замер, глядя на строчку, которую сам же и напечатал. Потом ткнул лапой в длинную клавишу внизу.

Экран замер на секунду, будто задумался. А потом страница побежала вниз, загружаясь, и осталась только одна ссылка. Одна-единственная.

Я смотрел на неё, и шерсть на загривке медленно поднималась дыбом.

Лаборатория №17. Ведётся эксперимент над осознающим себя сгустком жизни. Окрещён Объектом №3.

Я вчитался в каждое слово. Медленно, по слогам, цепляясь взглядом за знакомые буквы.

«Осознающий себя сгусток жизни...»

Это... это про кого?

В голове вдруг вспыхнули все обрывки сразу: «перенос в другое тело», «перезагрузка сознания», «тест отрицательный», «нам придётся...». И письмо, адресованное Ривине. И то, как Рив вздрагивала во сне.

А потом в груди что-то оборвалось. Не от страха. От понимания.

Они знали, что Объект понимает. Что он осознаёт. Что он думает.

И поэтому они его боялись.

Я снова посмотрел на экран. На эти холодные, равнодушные слова. Будто кто-то взял живое, тёплое, дышащее и назвал его «сгустком».

Объект № 3... это кто-то другой. Кто-то из этих лабораторий, из белых коридоров, из чужих страшных историй. Не я.

Просто совпадение. Просто слова, которые случайно похожи на то, что я нашёл.

Я снова посмотрел на экран. На эти ровные, равнодушные буквы. Они будто не знали, что от них становится холодно.

И вдруг мне стало страшно не от того, что я что-то узнал. А от того, что кто-то где-то может прочитать эти строчки и прийти сюда. Туда, где спит Рив, где пахнет домом, где всё ещё можно притвориться, что ты просто кот, который ищет, куда бы спрятаться от дождя.

Лапой я неловко потянулся к кнопке, чтобы закрыть страницу. Экран моргнул, потемнел. И на секунду показалось, что дом выдохнул с облегчением.

Я отступил от стола, прижался к полу, втянул воздух. Пахло по-прежнему домом. Пылью, старым пледом, остывшим чаем. Ничего чужого. Ничего опасного. Пока.

Тихо, бесшумно, я скользнул обратно к дивану. Сел рядом с Рив, прижался боком к её ноге — чтобы чувствовать, что она тут, тёплая, настоящая.

Она во сне чуть шевельнулась, вздохнула, будто хотела что-то сказать, но не смогла.

Я не мяукнул. Не стал тереться о её руку. Просто сидел и смотрел на тёмный экран, будто он мог снова засветиться и выдать ещё какую-нибудь страшную тайну.

Теперь у меня было ещё одно доказательство. Ещё один кусочек. Он лежал не за шкафом, а у меня в памяти. И я не знал, что с ним делать.

Я сидел у ноги Рив, прижавшись боком, будто если держаться к ней поближе, то все эти чужие слова перестанут быть настоящими. Экран погас, но строчки всё ещё стояли перед глазами, будто кто-то выжег их прямо в темноте: «осознающий себя сгусток жизни», «Объект № 3». Они цеплялись за мысли, как колючки репейника — дёргаешь, а они только глубже впиваются.

Я не хотел больше ничего находить. Не хотел складывать кусочки, которые делают мир холоднее. Хотел просто сидеть и слушать, как Рив дышит во сне — тихо, с коротким вздохом, будто даже во сне ей приходится бороться с чем-то тяжёлым.

И тут я заметил на полу у стола маленький клочок бумаги. Тонкий, будто вырванный из блокнота, с неровными краями. Лежал так, будто выпал из кармана Рив, когда она вчера просто рухнула на диван, не в силах держаться на ногах.

Я скользнул к нему, не отрывая живота от пола, бесшумно, как тень. Подцепил когтем, потянул. Развернул носом.

На нём торопливым, почти неразборчивым почерком было выведено:

«Объект № 3 — проявляет привязанность к субъекту Р. Риск утечки данных. Рекомендация: изоляция. Дополнительно: зафиксирована успешная перезагрузка в новую оболочку. Оболочка скоро начнёт становиться более живой и похожей на что-то».

«Перезагрузка в новую оболочку...»

Я вчитывался в эти слова, и они не складывались во что-то понятное. «Оболочка»... как старый свитер, который надевают, чтобы не мёрзнуть. Или как коробка, в которую что-то кладут.

«Становиться более живой...»

Как будто сначала ты не совсем настоящий. Как будто тебя включают, как лампу. А потом ты начинаешь чувствовать. Начинаешь бояться. Начинаешь прижиматься к тому, кто пахнет домом.

Но я не думал, что это про меня. Не мог думать. Потому что я — Дымок. Я помню, как в прошлом году Рив принесла домой коробку, а я сразу в неё залез и уснул, и она смеялась: «Ну вот, теперь это твой трон». Я помню, как Лу шепчет мне на ухо, будто я могу понять слова: «Тише, Дымок, не выдавай нас». Я помню запах мятной жвачки, который остаётся на пальцах Рив, если она волнуется.

Это не может быть «оболочкой». Это моё. Моё детство. Мои люди.

А эти строчки... они про кого-то другого. Про того, кто живёт в белых коридорах, где лампы гудят, как злые пчёлы, и где никто не смеётся над коробкой, в которой спит кот.

Я подцепил клочок когтями, прижал к полу, будто он мог улететь, как сухой лист. Потом быстро скользнул вдоль стены, мимо дивана, мимо Рив, которая во сне чуть шевельнулась, будто почувствовала, что я ушёл.

За шкаф, в ту самую щель между стеной и деревом, где уже лежали два других обрывка. Я затолкал новый листок туда же, прикрыл куском старой ткани, сверху положил дощечку. Пусть лежат. Пусть будут спрятаны. Пусть никто не найдёт, пока я не пойму, как сделать так, чтобы эти слова не имели ко мне никакого отношения.

Когда я вернулся, Рив чуть приоткрыла глаза — не проснулась, а так, на секунду, будто внутренний страх дёрнул её из сна. Она посмотрела в темноту, будто пыталась разглядеть, всё ли на месте. Увидела меня у своих ног. И снова закрыла глаза. Только выдохнула тихо, будто с её груди сняли что-то тяжёлое.

Я сел рядом, снова прижался боком. Тёплый. Настоящий. Не «оболочка». Просто Дымок.

И вдруг снаружи, за крыльцом, хрустнула ветка. Не от ветра. Не от дождя. А так, будто кто-то стоял и слушал. Будто ждал, когда я сделаю неверный шаг.

Шерсть на загривке встала дыбом. Я замер, втянул воздух. Но пахло только мокрым деревом, прелыми листьями и дождём. Ничего чужого. Пока.

Но этот хруст... он был не случайным. Он был предупреждением.

Я тихо мяукнул — совсем чуть-чуть, чтобы только Рив услышала, если вдруг проснётся по-настоящему. Но она не услышала. Просто снова вздохнула и прижалась щекой к пледу.

А я сидел и смотрел на тёмную дверь, на щель у порога, откуда тянуло холодом. И думал: если они придут за этими бумажками, за этими словами, за тем, что кто-то назвал «объектом», — я буду между ними и Рив. Пусть я не умею говорить человеческими словами. Пусть не могу объяснить, почему эти строчки заставляют меня сжиматься от страха.

Но я могу быть тихим. Могу быть быстрым. Могу быть там, где меня не ждут.

И я не дам им забрать то, что стало моим домом.

Я скользнул в свою щель за шкафом — туда, где темно, тесно и пахнет старой пылью, но где никто не станет искать. Здесь было моё место, мой тайник, моя маленькая крепость.

Разложил все обрывки на полу: первый — из кладовки, с сухими строчками про «перенос» и «объект»; второй — тот, что нашёл в охотничьем домике, про «перезагрузку сознания»; и третий — с пола у компьютера, про привязанность к «субъекту Р» и про то, как оболочка становится живой.

Я смотрел на них, раскладывал по порядку, будто если положить их правильно, они перестанут быть страшными. Но они только становились страшнее.

«Рив была связана с этим... но не я... наверное».

Я повторял это про себя, как заклинание, чтобы не дать словам пробраться глубже. Рив прятала папки, получала письма, вздрагивала от каждого шороха — да, она была в этом. Но я-то просто кот. Просто Дымок, который любит, когда его гладят за ухом, и терпеть не может, когда в доме пахнет чужим страхом.

Но бумажки лежали передо мной и шептали что-то ледяное. И я понял: надо ещё раз заглянуть в её шкапулку. Туда, где она прятала самое личное. Может, там найдётся что-то, что докажет: это всё не про меня. Что «Объект № 3» — это кто-то другой, а я тут просто рядом оказался.

Тихо, бесшумно, я выскользнул из укрытия. Дом всё ещё спал. Даже часы на кухне будто замерли, чтобы не выдать меня. Рив лежала на диване, плед сполз, волосы разметались, и во сне она выглядела совсем маленькой, будто ей самой нужна была защита.

Я скользнул к тумбочке. Дверца была прикрыта, но не закрыта. Я подцепил её когтями, потянул. Скрип прозвучал в тишине, как крик, и я замер, прислушиваясь. Рив шевельнулась, вздохнула, но не проснулась.

Внутри, под пачкой билетов и старой фотографией, лежал ещё один конверт. Тонкий, потёртый, будто его много раз доставали и снова прятали. На нём не было адреса, только имя: «Ривина».

Моё сердце вдруг забилося так сильно, что, казалось, его слышно в соседней комнате. Я подцепил конверт, вытащил, разорвал край. Внутри — ещё один листок, такой же тонкий, как крыло мотылька.

На нём тем же аккуратным, но торопливым почерком было написано:

«Дорогая Ривина! Мы рады сообщить Вам, что перезагрузка сознания и перемещение прошли успешно. Существо начинает сереть. На данный момент дружелюбен. Сходство с котом: 64 %. Он быстро прогрессирует».

«Сходство с котом... 64 %...»

Я вчитывался в эти слова, и мир вокруг будто становился прозрачным, как стекло, через которое видно то, что раньше пряталось в тени.

«Перезагрузка сознания...» — значит, кто-то взял то, что было внутри, и переложил. Как вещь из одной коробки в другую.

«Существо начинает сереть...» — а я серый. Весь, от носа до хвоста.

«Сходство с котом...»

64 процента.

Не сто. Не полный кот. А... почти.

И тут земля будто ушла из-под лап.

Это было про меня.

Все эти бумажки, все эти холодные строчки, все эти «объекты» и «тесты» — они говорили обо мне. О том, кто сейчас сидит, прижавшись к полу, и чувствует, как шерсть встаёт дыбом не от холода, а от того, что мир только что перевернулся.

Я не просто нашёл чьи-то секреты. Я нашёл свою историю. Историю, написанную чужими руками, в чужих лабораториях, на чужих бланках.

«Он быстро прогрессирует...»

Как будто я не Дымок. Не тот, кто мурлычет, когда Рив устаёт. Не тот, кого Лу зовёт «мой маленький защитник». А просто... проект. Эксперимент. «Существо».

Но я не хотел быть «существом». Я хотел быть котом. Настоящим. Своим.

Я сжал листок когтями, хотел разорвать его в клочки, чтобы этих слов не существовало. Но не стал. Вместо этого сунул его к остальным, в тёмную щель за шкафом, прикрыл тканью, положил сверху дощечку. Пусть лежит. Пусть пока никто его не видит.

Никто не должен знать. Ни Рив, ни Лу, ни кто-либо ещё. Пока я сам не пойму, что с этим делать.

Когда я выполз обратно, Рив как раз открыла глаза. Не сразу, будто сначала ей нужно было вспомнить, где она, кто она, что происходит. Потом она увидела меня, и в её взгляде на секунду мелькнуло такое облегчение, что оно почти смыло тот холод, который принёс с собой листок.

— Дымок... — прошептала она, голос был хриплым со сна. — Ты опять где-то носился? Весь пыльный...

Она протянула руку, хотела погладить, но я чуть отстранился. Не потому что не хотел, чтобы она меня трогала. А потому что если она дотронется, я могу просто развалиться на кусочки, как тот листок, который я так и не разорвал.

Она заметила это. Её рука замерла в воздухе, потом медленно опустилась. В глазах мелькнуло что-то похожее на страх, но другой — не тот, от которого бегут, а тот, который приходит, когда понимаешь: ты что-то сделала не так, и теперь не знаешь, как всё исправить.

— Прости, — тихо сказала она, будто я мог понять. — Я... я просто рада, что ты тут.

Я тихо мяукнул. Не «всё хорошо». Не «я злюсь». Просто «я тут». Потому что это было правдой.

А ещё правдой было то, что теперь я знал: Рив не просто была «связана с этим». Она знала. Она следила. Она получала отчёты о том, как я «прогрессирую». И, может быть, даже помогала, чтобы со мной ничего плохого не случилось.

Но от этого не становилось легче. От этого становилось только страшнее: если даже она не могла это остановить, то кто сможет?

Я подошёл и всё-таки ткнулся носом в её ладонь. Тёплую. Живую. Настоящую.

Пусть пока будет так. Пусть она думает, что я просто пыльный кот, который опять куда-то лазил. Пусть не видит, как у меня внутри всё дрожит от тех слов, которые я наконец-то понял.

Потому что если она увидит, она начнёт объяснять. А я пока не готов слушать.

Глава 3. Я кот, а не объект.

Два дня дом будто затаил дыхание. Рив ходила по комнатам, трогала вещи, будто проверяла, на месте ли они, не сдвинулась ли хоть одна чашка, не лежит ли что-то не так. Я видел это по её глазам — они всё время скользили по углам, цеплялись за мелочи. Она ничего не говорила, но воздух стал колючим, как сухая трава в конце лета.

А я делал вид, что ничего не знаю. Сидел на подоконнике, вылизывал лапу, смотрел, как капли дождя стекают по стеклу, будто это самое важное дело во всём мире. Прятал нос, когда она смотрела в мою сторону. Старался быть просто котом. Обычным. Серым. Своим.

Но бумажки лежали за шкафом, под дощечкой, под куском старой ткани. Они ждали. И я тоже ждал.

На третий день Рив не выдержала.

— Кто-то был в моих вещах, — сказала она резко, будто бросила на стол что-то тяжёлое. Голос у неё дрожал не от крика, а от того, что она старалась говорить спокойно, а внутри всё тряслось.

Лу и Лука стояли у двери, смотрели на неё, потом друг на друга, потом на меня. Лу нахмурилась:

— Ты уверена?

— Уверена, — Рив провела ладонью по волосам, будто хотела собрать мысли в кучу. — Конверт лежал углом. Билеты были не так. Дверца... она не так прикрыта. Я знаю, как я её оставляю.

Лука шагнул вперёд:

— Может, сквозняк? Или...

— Не надо, — Рив подняла руку. — Не надо делать из меня сумасшедшую. Я знаю свой дом. И знаю, когда в него кто-то лезет.

Тишина повисла над комнатой, как мокрая простыня — тяжёлая, липкая, не даёт дышать.

И тут все взгляды сошлись на мне.

Я сидел у ножки стула, не шевелился. Только уши чуть дрогнули.

— Дымок, — Рив посмотрела на меня, и в её глазах было не обвинение, а просьба: «Пожалуйста, скажи, что это не ты». — Ты... ты не лазил? Ты же любишь прятаться... может, ты просто...

Я не мяукнул. Не бросился к ней. Просто сидел и смотрел. И в этот момент я вдруг понял: если я сейчас просто отвернусь, сделаю вид, что не понимаю, о чём речь, — она будет думать, что я её предал. Что я залез в самое личное и даже не подумал, как ей будет больно.

А если я покажу всё... если вытащу эти бумажки, эти холодные строчки про «перезагрузку», про «64 %», про то, как я «прогрессирую»... она поймёт, что я знаю. Что я читал. Что я складывал это в голове, пока она спала.

И тогда ей придётся мне всё рассказать.

Или солгать.

А я не хотел, чтобы она лгала.

Я медленно встал. Шерсть на загривке чуть поднялась — не от страха, а от тяжести того, что я собирался сделать. Обошёл стул, прошёл мимо Луки, который смотрел на меня так, будто видел кота впервые. Мимо Лу, которая приоткрыла рот, будто хотела меня окликнуть, но не стала.

За шкаф. Туда, где темно и пахнет пылью. Я подцепил когтями дощечку, отодвинул ткань. Вытащил все обрывки — один за другим. Три, потом четвёртый. Тот самый, с конверта: «Сходство с котом: 64 %. Он быстро прогрессирует».

Я нёс их в зубах, осторожно, чтобы не порвать. Как будто даже эти слова, такие чужие и холодные, всё равно были моими. Моей правдой.

Когда я вышел, все замерли. Даже часы на кухне будто перестали тикать.

Я подошёл к Рив и положил бумажки у её ног. Аккуратно. Так, чтобы они не разлетелись. Она смотрела на них, и лицо у неё становилось всё бледнее, будто из него уходила кровь. — Это... это ты нашёл? — прошептала она.

Я сел напротив, посмотрел ей прямо в глаза. Не отводил взгляд. Пусть видит: я не прячусь.

«Да», — хотел я мяукнуть. Но не стал. Просто кивнул головой, как умеют коты, когда хотят сказать что-то важное.

Рив опустила на колени, не замечая, что пол холодный. Взяла верхний листок, прочитала строчку про «перезагрузку сознания». Потом про «субъект Р». Потом тот, последний, про «64 %».

Её пальцы дрожали.

— Дымок... — голос у неё сорвался. — Ты не должен был это видеть.

Я тихо мяукнул. Не «прости». Не «я не хотел». Просто «я знаю».

И вдруг она поняла. Не просто про бумажки. Про всё.

— Ты думал, что это про кого-то другого, — сказала она тихо, почти беззвучно. — Ты искал, чтобы доказать, что это не про тебя.

Я снова кивнул.

— А теперь знаешь, — прошептала она. — И не понимаешь, что с этим делать.

Я сел ближе. Не прыгнул к ней на колени — не мог. Но сел так, чтобы чувствовать её тепло. Чтобы она чувствовала: я тут. Не исчез. Не стал «объектом» и не перестал быть Дымком.

— 64 процента, — повторила она, глядя на строчку, будто пыталась стереть её взглядом. — Это было тогда. Когда тебя только... переместили. Когда ты был ещё не до конца здесь.

Она подняла глаза на меня. В них стояли слёзы, но она не плакала. Просто смотрела, как будто боялась, что если моргнёт, я исчезну.

— Сейчас ты сто процентов, — сказала она. — Сто процентов кота. Сто процентов Дымка. Ни капли «оболочки». Ни грамма «проекта». Ты сам. Ты выбрал сидеть тут. Ты выбрал прийти и показать мне эти бумажки, хотя мог бы просто убежать.

Лу тихо подошла, присела рядом, положила ладонь на плечо Рив. Лука стоял, сжав кулаки, будто готовился защищать нас всех сразу.

— Значит, кто-то следит за домом, — тихо сказал он. — Кто-то знает, что эти бумаги тут.

— Да, — Рив не отрывала взгляда от меня. — И они придут. За бумагами. За отчётами. За... ним.

«Пусть приходят, — думал я. — Пусть попробуют забрать то, что теперь я знаю: я — Дымок. И я не дам им стереть это».

Рив схватила телефон, пальцы дрожали, но набирала быстро, будто если замедлиться — всё рассыплется. Один звонок, второй, третий... Она не объясняла толком, просто говорила: «Нужно. Сейчас. Все».

И они пришли.

Дин ввалился первым, как всегда — шумно. За ним Лай, с рюкзаком, из которого торчали провода и какая-то коробка с мигающими лампочками. Яр и Макс шли следом, чуть медленнее, будто уже чувствовали: что-то не так.

Сначала они смеялись, толкались в дверях, Яр хлопнул Лу по плечу: «Ну что, опять спасаем мир?» — и все заулыбались, потому что когда рядом эти ребята, даже конец света кажется просто очередной миссией.

Но улыбка сползла с их лиц в один миг, как только они всё узнали.

— Так, — Лай шагнул вперёд, голос стал жёстким, как лезвие. — Значит, всё это время ты скрывала это от него? И вела переписку с той... лабораторией?

Рив не отводила взгляда. Не оправдывалась. Просто кивнула.

— Да.

Тишина ударила по ушам сильнее крика.

— Дымок... его отдали мне, потому что он стал котом, и держать его у меня было удобнее и безопаснее. Но... я давала им отчёты. Чтобы они думали, что всё под контролем. Чтобы не приходили сами.

Макс шагнул ближе, будто хотел заслонить Рив от этого разговора, но остановился.

— И что будет? Что будет с вашим... контактом? Если они поймут, что ты что-то скрываешь?

— Я... — Рив сжала кулаки, костяшки побелели. — Я не расскажу, что Дымок всё узнал. Они заберут его. Сразу. Без разговоров.

Яр провёл ладонью по лицу, будто стирал с себя остатки веселья.

— Ладно. Значит, надо сделать так, чтобы они ничего не поняли. Что ты обычно пишешь?

— Короткие отчёты. Раз в неделю. «Объект стабилен. Поведенческие реакции в норме. Контакт с окружением не нарушен». Но теперь... теперь они могут начать проверять чаще.

Дин присел на край стола, вытащил блокнот, ручку.

— Тогда давайте составим прямо сейчас. И... — он посмотрел на меня, — и пусть Дымок будет нашим контролёром. Если вариант не нравится — шипи.

Я не хотел быть «контролёром». Я хотел, чтобы эти слова вообще не существовали. Но я кивнул, как умеют коты, когда понимают: сейчас не время прятаться.

И они начали.

— Вариант первый, — Дин черкнул в блокноте. — «Объект демонстрирует признаки дезориентации. Требуется консультация».

Я тихо зашипел. Не громко. Так, чтобы услышали только свои. Шерсть на загривке чуть поднялась.

«Нет. Это как позвать их сюда. Это как сказать: „Он знает, приходите за ним“».

Рив вздрогнула, но кивнула:

— Ты прав. Это сразу вызовет проверку.

— Второй вариант, — Макс взял ручку, быстро набросал. — «Объект проявляет повышенный интерес к электронным устройствам. Возможна попытка доступа к сети».

Я зашипел снова. Резче. Чуть прижал уши.

«Это про меня. Это выдаст меня. Они поймут, что я искал».

Лу тихо присела рядом со мной, положила ладонь на пол, не касаясь, просто чтобы я чувствовал: она тут.

— Спокойно, — прошептала она. — Мы придумаем.

— Третий вариант, — Яр склонился над блокнотом, голос звучал твёрдо. — «Объект ни о чём не подозревает, ведёт себя как обычно. Стал игривей, чем всегда».

Я замер. Вчитался в эти слова глазами, будто мог увидеть в них ловушку.

«Ни о чём не подозревает...» — это ложь. Но правильная ложь. Та, что прячет.

«Стал игривей...» — а это... почти правда. Когда я был просто Дымком, я гонялся за пылинками, ловил тени, прыгал на шторы. Может, если они подумают, что я просто... играю, они не станут искать во мне того, кто читает отчёты.

Я не зашипел. Только чуть наклонил голову, будто соглашался.

Рив выдохнула, будто до этого вообще не дышала.

— Фух. Итоговый вариант готов. Можем отправлять.

Она села за компьютер, пальцы снова дрожали, но теперь не от страха, а от спешки. Экран засветился, открылся почтовый ящик. Тот самый, с адресом, от которого у Рив всегда становилось холодно в груди.

Отчёт о объекте №3. Объект ни о чём не подозревает, ведёт себя как обычно. Стал игривей, чем всегда.

Она нажала «Отправить». Курсор моргнул, страница дёрнулась, и письмо улетело — туда, в белые коридоры, в холодные кабинеты, к тем, кто считал меня «объектом».

В комнате повисла тишина. Не та, что бывает перед бурей, а та, что наступает после. Когда самое страшное уже сделано, и теперь остаётся только ждать.

Рив откинулась на спинку стула, закрыла глаза на секунду.

— Теперь главное — чтобы они поверили. Чтобы не прислали проверку.

Лай подошёл, положил руку ей на плечо.

— Поверили. Потому что это звучит как правда. Как будто ты просто наблюдаешь за котом. А не за... кем-то ещё.

Я подошёл к Рив, ткнулся носом в её ладонь. Тёплую. Живую. Не ту, что печатает отчёты, а ту, что гладит меня, когда я дрожу от холода.

Она опустила руку, погладила меня между ушами, не сильно, просто чтобы я знал: для неё я не «объект».

— Прости, — прошептала она, так тихо, что услышали только я и, может, Лу. — Прости, что мне пришлось это делать.

Я тихо мяукнул. Не «всё хорошо». Не «я не злюсь». Просто «я тут».

Компьютер тихо звякнул. Она посмотрела на экран — и лицо у неё стало белым, как бумага.

— Лаборатория №17, — прошептала она, будто эти слова могли кого-то позвать. — Требуется срочная видеофиксация объекта. Ожидайте курьера. Прибудет через 10 минут.

Десять минут. Не час. Не завтра. Сейчас.

В комнате будто выключили звук. Даже воздух стал густым, как кисель, и дышать им было тяжело.

— Курьер, — повторил Дин, будто пробовал слово на вкус и оно ему не понравилось. — Это не почтальон с посылкой. Это тот, кто заберёт, если сделать ошибку.

Макс шагнул к окну, осторожно отодвинул край занавески, выглянул во двор.

— Там никого. Пока никого.

— Значит, у нас есть эти десять минут, — голос Рив звучал твёрдо, но я видел, как дрожат её пальцы. — Надо сделать так, чтобы он ничего не понял. Чтобы подумал, что это обычный дом, обычный кот, обычная история.

Лу присела на корточки рядом со мной, посмотрела прямо в глаза.

— Дымок, ты сможешь? Ты сможешь быть просто котом? Не шипеть, не прижимать уши, не смотреть так, будто ты знаешь все секреты мира?

Я тихо мяукнул. Не потому что хотел, а потому что надо было что-то ответить. И кивнул, как умеют коты, когда дают самое важное обещание.

«Я буду просто Дымком. Я буду гоняться за клубком. Я буду тереться о ноги. Я не покажу, что я знаю».

Рив встала, быстро прошла по комнате, убирая со стола всё, что могло выдать: блокнот Дина, распечатки, папку, которую она прятала за книгами.

— Пусть это будет визит ветеринара. Так проще. Так никто не станет задавать лишних вопросов.

Она успела ровно к тому моменту, когда в дверь постучали. Не громко, не требовательно, а так, как стучат те, кто хочет казаться безобидным.

Тук-тук. Тихо. Вежливо. Смертельно.

Рив глубоко вдохнула, выдохнула, будто сбрасывала с себя всё, что знала, и открыла дверь.

На пороге стоял мужчина в тёмно-зелёной куртке, с сумкой через плечо. На сумке был вышит логотип клиники — какой-то цветок, который я не знал. В руках у него был планшет. Улыбка у него была такая, какую надевают, чтобы люди не боялись.

— Здравствуйте, — голос у него был мягкий, ровный, будто он каждый день приходил в чужие дома и делал вид, что он тут свой. — Я из службы ветеринарной поддержки. Поступил запрос на осмотр кота. Меня зовут Андрей.

Он шагнул внутрь, и я сразу всё понял.

От него пахло не собаками, не кошками, не шампунем и не мокрой одеждой после дождя. От него пахло лабораторией. Тем самым стерильным, холодным запахом, который въедается в кожу и остаётся там навсегда. Запахом спирта, металла и бумаги, на которой пишут отчёты.

«Курьер», — подумал я. — «Не обычный человек. Тот, кто пришёл забрать „объект“, если я проколюсь.».

Но я не зашипел. Не прижал уши. Не бросился под шкаф.

Я сделал то, что должен был.

Я медленно подошёл к нему, чуть потёрся о штанину, как делают коты, когда хотят показать: «Я тут. Я дружелюбный. Я просто хочу, чтобы меня погладили».

Он наклонился, протянул руку.

— Ну-ка, покажись, красавец.

И тут Рив, будто только что вспомнила что-то очень важное, схватила с полки клубок пряжи — старый, потрёпанный, тот, за которым я раньше гонялся, когда ещё не знал про лаборатории и отчёты.

— Ой, Дымок, ты же его обожаешь! — она бросила клубок на пол, и он покатился, подпрыгивая, прямо к моим лапам. — Смотри, смотри!

Я посмотрел на клубок. На Рив. На мужчину, который всё ещё тянул ко мне руку.

Потом я сделал то, что делают обычные коты.

Я прыгнул. Ударил лапой. Покатил его дальше. Потом ещё раз. И ещё.

Клубок катился по полу, я бежал за ним, поддевал когтями, толкал носом, будто это было самое важное дело в моей жизни. Будто я не знал, что за мной наблюдают. Будто эти строчки про «перезагрузку» и «64 %» никогда не существовали.

Мужчина смотрел на меня, улыбался той самой улыбкой, которая ничего не значит.

— Активный, — отметил он, водя пальцем по экрану планшета. — Игривый. Реакция адекватная.

Рив стояла рядом, и я чувствовал, как она дрожит, но голос у неё был спокойный, даже весёлый.

— Да, он такой. То спит весь день, то носится, как ураган.

— Хорошо, — мужчина закрыл планшет, убрал его в сумку. — Тогда пока всё в порядке. Данные зафиксированы. Если что-то изменится, мы свяжемся.

Он ещё раз улыбнулся, кивнул и пошёл к двери.

Когда он вышел, дверь закрылась за ним с тихим щелчком, и дом будто выдохнул.

Рив опустилась на пол, прямо там, где стояла, будто ноги больше не держали её. Лу села рядом, обняла её. Дин и Макс стояли у окна, смотрели, как мужчина идёт по тропинке, пока не скрылся за поворотом.

А я... я остался сидеть рядом с клубком. Он уже не казался весёлой игрушкой. Он был моим щитом. Моей маской. Моим способом сказать: «Я просто кот. Я ничего не знаю. Оставьте меня в покое».

Я пододвинул его лапой, будто собирался снова гонять, но не стал. Просто сидел и смотрел на дверь, за которой исчез человек с запахом лаборатории.

Теперь я знал: они не ушли. Они просто сделали вид, что ушли. И однажды придут снова.
Но сегодня я спас нас. Сегодня я был просто Дымком.
И этого было достаточно.

Глава 4. Новый след.

Я встал. Клубок, который мне кинула Рив при курьере из лаборатории, чтобы убедить его, что я кот, который ничего не знает, остался лежать в стороне — будто забытая улика, бесполезная теперь, когда маска «просто кота» треснула по швам. Ворс на клубке уже примялся, нитки слегка распустились, и он больше не выглядел игрушкой, а казался чем-то жалким, как реквизит из плохо сыгранного спектакля.

Я поскрёбся в дверь — коротко, настойчиво, без лишней суеты. Не мяукал. Мяуканье было для них, для чужих, для тех, кто должен был видеть во мне обычного серого кота. А сейчас мне хотелось просто выйти. Почувствовать, как под лапами меняется пол: из тёплого, домашнего паркета — на холодный, шершавый коридор, где воздух уже не пах только кофе и печеньем, а нёс в себе чужие следы.

Рив вздохнула, будто пыталась собрать мысли в кучу, и наклонилась, чтобы посмотреть на меня сквозь щель между дверью и полом. Её тень дрогнула, и в этом движении я уловил то, что люди обычно прячут: усталость, смешанную с виной.

— Мне кажется, что нам надо сделать кошачью дверцу, — сказала она, выпрямляясь, и голос её прозвучал чуть громче, чем нужно — как будто она пыталась убедить не только остальных, но и себя. — Дымок постоянно просится на улицу. Будто у него там дела поважнее наших.

— Ну так давай закажем мастера, — отозвался Макс, проводя ладонью по волосам. — Или я сам могу что-нибудь сколотить. У меня где-то валялись доски... Или нет. Лучше мастера. Мастера точно знают, как делать дверцы для котов.

«Эй! Люди! Какой мастер? Мне что, ждать, пока он сделает эту вашу новую дверь, или что это там?!» — пронеслось у меня в голове, остро и раздражённо, как царапина по стеклу. Я хотел рывкнуть это им прямо в лица, чтобы они перестали говорить о досках и мастерах, когда за углом пахло лабораторией, когда в бумажках, которые я нашёл у Рив, значилось «Объект №3», а не «Дымок». Но из моего рта вырвалось лишь сердитое «Мяу!» — короткое, резкое, как хлопок дверью. И в этом «мяу» было столько бессильной злости, что даже я сам на мгновение почувствовал себя обманутым.

Яр, стоявший ближе всех к двери, поморщился, будто звук резанул его по ушам.

— Лай, открой ему пока что, — бросил он, не глядя на неё, но в этом приказе не было грубости. — Потом будем думать про дверцы. Сейчас пусть выйдет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.